

О.М. Гордеева

Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И.А. Бунина

Статья посвящена изучению роли личных местоимений второго лица единственного числа в функционально-семантическом поле адресованности лирики И.А. Бунина. Личное местоимение «ты» рассматривается как структурный элемент в выражении противоречивого единства воспринимающего сознания в лирике.

Ключевые слова: лирика И.А. Бунина; функционально-семантическое поле адресованности; личное местоимение.

«**О**бращённость высказывания, то есть его целевая, содержательная и формальная ориентированность на адресата, является одной из существенных характеристик речи», — пишет В.Е. Гольдин [2: с. 78]. Мы рассматриваем обращённость как функционально-семантическое поле, ядром которого является специализированная форма названия адресата (обращение), а в центре и на периферии располагаются другие средства названия, упоминания воспринимающего сознания и (или) отсылки к нему.

Так как литературное произведение можно рассматривать как высказывание, которое данный автор адресует потенциальному читателю, то обращённость как характеристика речи не может не быть и характеристикой текста, в том числе и художественного. По словам Ю.М. Лотмана, «текст содержит в себе свёрнутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя данного текста» [3: с. 161].

Одним из средств, позволяющих «реконструировать... читателя», являются личные местоимения. Значимость личных местоимений как средства адресованности не подлежит сомнению. В функционально-семантическом поле адресованности оно находится в центре, максимально близко к ядру (И.Д. Чаплыгина считает, что центром поля являются именно личные местоимения [5: с. 7]). Личные местоимения первого и второго лица называют адресаторами, так как они указывают на направленность речи, или же «диалогическими» местоимениями. Однако оппозиция «я», «мы» / «ты», «вы» характерна для обычного диалога, естественного коммуникативного акта. При изучении местоимений-адресаторов в художественном тексте нельзя не учитывать их роли в естественной коммуникации, но одновременно необходимо учитывать специфику их реализации в текстах разных родов и жанров.

Так, личные местоимения прежде всего указывают на роль субъектов коммуникации в каждом отдельном фрагменте речи: для диалога естественна регулярная смена местоимений «я» (говорящий) и «ты» (слушающий). Однако при этом спецификой лирических текстов, как правило, становится неизменность позиций «я» (адресант) и «ты» (адресат).

Кроме того, «местоимение “ты” может быть употреблено говорящим в обращении к самому себе: “Ты хотел вторично изведать счастья в жизни, — говорил он сам себе” (Тург.)» [4: с. 533].

Рассмотрим специфику личного местоимения «ты», апеллирующего к «я» и к одному из наиболее частотных «ты» (возлюбленная) в лирических текстах И.А. Бунина¹.

1. Если «ты» указывает на самого говорящего, то речь идет об автокоммуникации. В лирике И.А. Бунина много обращений к самому себе, но в случаях с «ты» автокоммуникация, как правило, не прямая, а опосредованная, когда адресатом является не только само «я», но и разные его ипостаси: «Но кому и как расскажешь ты, / Что зовет тебя, чем сердце полно!» («Ночь печальна, как мечты мои...», 1900); «Ты, сердце, полное огня и аромата, / Не забывай о ней. До черноты стори» («Кадыльница», 1916); «Ты, молодость моя, вы, годы / Надежд, сердечной простоты...» («***», 1916). Таких примеров немного, в целом лирический герой к себе (ни напрямую, ни опосредованно) на «ты» не обращается. Вероятно, это следствие редкой целостности внутреннего мира лирического героя. При изучении роли обращений и вопросительных предложений в поле адресованности лирики И.А. Бунина мы обратили внимание на то, что среди многочисленных вопросов к себе нет таких, которые свидетельствовали бы о внутренних противоречиях воспринимающего мир сознания. То же самое можно сказать и о местоимениях: разные ипостаси «я» всегда чувствуют «в унисон». Поэтому «ты» как указание на расщеплённость, двойственность сознания лирического героя никогда не употребляется в лирике И.А. Бунина. В стихотворении «Кадыльница» «ты» может восприниматься как «я» не только лирического героя, но и любого молодого человека, чьё сердце полно «огня и аромата». В обращении к прошлому («молодость моя») действительно происходит раздвоение «я», но и в этом случае конфликта не возникает, так как память о былом счастье воспринимается как неотъемлемая часть настоящего лирического героя.

2. «Ты» (в оппозиции к «вы») употребляется по отношению к близкому человеку. В лирике И.А. Бунина «ты» — прежде всего возлюбленная, любимая. Это второе по частоте употребления (34 % от общего числа не ролевых стихотворений с «ты») референциальное значение местоимения «ты» в стихотворениях И.А. Бунина (наиболее частотным — свыше 40 % — является обозначение не-лица).

При всей условности адресата стихотворного послания — возлюбленной лирического героя — сам жанр постулирует ожидание реплики, направленной от «я» к «ты», т. е. фрагмента диалогического общения. Классическим вариантом выражения такой реплики являются аналогичные речевым жанрам

¹ Все цитаты даны по изданию [1].

стихотворные послания, содержащие объяснения / признания, выражение надежд, высказывание упреков и т. п., имеющие формальные признаки непосредственной коммуникации (например, пушкинские строки «Я вас люблю, хоть я бешусь...» и «Я вас любил...»).

Такого рода стихотворения, на первый взгляд, есть и у И.А. Бунина: «И тебя так нежно я любил, / Как меня когда-то ты любила» («Нынче ночью кто-то долго пел...», 1899), «Как я любил тебя!» («Гроза прошла над лесом стороною...», 1901), «Люблю, исполнен тайной муки, / Люблю тебя, как светлый сон...» («Ночного неба свод далекий...», 1901).

В стихотворении «Гроза прошла над лесом стороною...» герой в одиночестве вспоминает прошлое, и концевая реплика, обращённая непосредственно к возлюбленной, кажется возможностью преодолеть пространство и время и ощутить себя рядом с ней. Однако в лирике И.А. Бунина переключение с третьего лица на второе не указывает на выход героя за пределы своего «я». Контекст («И все в душе я сохраню, любя...») указывает, скорее, на обратное: лирический герой хранит в своей душе память о любви, и обращается он не к реальной женщине, а к тому образу, который бережёт в памяти.

В стихотворении «Нынче ночью кто-то долго пел...» признание лирического героя обращено к спящей героине, что делает реальную, действенную коммуникацию невозможной. Кроме того, хотя герои находятся в одном хронотопе, их чувства не совпадают по времени, что также усиливает условность / риторичность обращения к «ты».

В стихотворении «Ночного неба свод далёкий» ситуация иная: лирический герой находится в предвкушении появления женщины, слышит шум её одежд, но её саму пока не видит; однако именно в этот момент, до появления возлюбленной, возникает монолог в душе лирического героя. То есть он обращается не непосредственно к ней, а к её образу в своей душе. Диалог внутренний, потенциальный и здесь не превращается во внешний.

Получается, что даже для объяснения в любви лирическому герою слушающий не нужен, для И.А. Бунина важен не коммуникативный акт «я» – «ты», а осознание лирическим героем своих чувств. Другими словами, кажется, что лирический герой И.А. Бунина произносит признание не для неё, а для себя самого.

Обратим внимание на то, что лирический герой у И.А. Бунина не только не раскрывает себя перед возлюбленной, он не даёт объясниться и ей:

Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок! (Как светла, как нарядна весна! 1899).

В этом стихотворении вопросы к «ты» сопровождаются императивами, которые свидетельствуют о сосуществовании лирического героя и его возлюбленной

в одном хронотопе: «погляди», «скажи». Но оказывается, что лирическому герою не нужны ответы («О молчи!»): он сам догадывается о том, что пока скрывает любимая («Мне не надо признанья»).

Таким образом, в лирике И.А. Бунина отсутствует даже иллюзия коммуникации как межличностного общения между «я» и «ты». При этом апелляция к «ты» постоянна. Лирический герой ведёт с женщиной гипотетические беседы, которые, имея вид диалога, собственно к диалогу (обмену репликами между коммуникантами) не стремятся. Женщина кажется лирическому герою открытой книгой, которую он легко читает, что делает внешнюю, вербальную коммуникацию излишней.

Так, в стихотворении «Одиночество» (1903) лирический герой не спрашивает о чувствах женщины, а рассказывает ей о её же переживаниях: «Вчера ты была у меня, / Но тебе уж тоскливо со мной». «Читая» женщину-книгу, лирический герой не вступает в коммуникацию, которая, по его мнению, обречена на неудачу («Мне крикнуть хотелось вослед: “Воротись, я сроднился с тобой!”»). Потенциальный диалог с женщиной так и остается потенциальным. Интересно, что в «Одиночестве» происходит переключение со второго лица на третье. Основная часть стихотворения написана как высказывание, обращённое к «ты», однако ближе к концу, в ответ на непрозвучавшую реплику лирического героя появляется выражение, близкое сентенции: «Но для женщины прошлого нет: / Разлюбила — и стал ей чужой». Переход от второго лица («ты») к третьему («женщина», «она») является результатом удаления от событий, пусть только мгновенного, после чего лирический герой возвращается к основной манере монолога. Наличие обобщения, когда мысли о «ты» становятся размышлениями обо всех женщинах, свидетельствуют о том, что лирический монолог вряд ли направлен к бывшей возлюбленной, скорее, единственный адресат — сам говорящий, который осмысливает происходящее с ним как проявление законов бытия и планирует свой быт, осознавая положение свободного / покинутого / преданного человека: «...Как-нибудь до весны / Проживу и один — без жены... <...> Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить».

Таким образом, монологи лирического героя И.А. Бунина — это в основном сообщения, т. е. информация, не требующая ответа. Это может быть информация о самом говорящем, о его действиях и переживаниях по отношению к любимой: «Беру твою руку и долго смотрю на нее <...> Я всю тебя чувствую — душу и тело» («Беру твою руку...», 1898); «Счастлив я, когда ты голубые / Очи поднимаешь на меня... / Горько мне, когда ты, опуская / Темные ресницы, замолчишь <...> / Но всегда, везде и неизменно / Близ тебя светла душа моя...» («Счастлив я...», 1896); о его мечтах: «Ужель опять с блаженной страстью / Твои колени обниму?» («Ночного неба свод далекий...», 1901).

Сообщения могут быть направлены на неё: это могут быть упреки возлюбленной («Если б прошлое забыть, — Все, что ты уже забыла» («Если б только можно было...», 1894)), или заклятия («Ты меня не забудешь / До последнего дня»

(«Чужая», 1903–1906)), или предчувствия («Ты меня позабудешь вдали» («Порыжели холмы. Зноем выжжены...», 1891)), или пожелания («Милый друг! О, будь благословенна / Красота и молодость твоя!» («Счастлив я...», 1896)). Интересно, что лирический герой И.А. Бунина может сообщать возлюбленной и то, чего она о себе (ещё) не знает: «Вот в этой руке — все твое бытие» («Беру твою руку...», 1898); «Любишь ты, сама того не зная, / И любовь застенчиво таишь» («Счастлив я, когда ты голубые...», 1896), и то, как она выглядит со стороны: «Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело» («Беру твою руку...», 1898).

Стихотворения, в которых лирический герой ждёт от возлюбленной слова и (или) действия, встречаются нечасто: «Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое! / Ты мне собственной жизни милей и родней» («Только камни, пески, да нагие холмы...», 1926).

Причины закрытости, замкнутости лирического героя, может быть, в отсутствии духовной близости между любящими. Описание взаимопонимания между «я» и «ты» крайне редко у И.А. Бунина:

...Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь — за что!
(«Звезды ночью весенней нежнее», 1898).

В этих двух стихотворениях нам видится тот редкий случай, когда слово лирического героя направлено не на себя самого, а на объект своих чувств, направлено именно потому, что он надеется на адекватное восприятие / понимание.

Особое место в любовной лирике И.А. Бунина занимает мотив памяти, воспоминаний о былой любви, который часто реализуется в апелляции к возлюбленной: «Ты помнишь этот берег, окаймленный / Ее широкой снежною грядой?» («Отрывок», 1901); «Но ты помнишь, как ты отворила / Дверь на лунный свет?» («Тихой ночью поздний месяц вышел», 1916). Лирический герой обращается к женщине, отделённой от него и от события пространством и (или) временем. Другими словами, он не может получить ответа на свои вопросы, да и не ждёт их.

В стихотворении «В столетнем мраке черной ели» (1907) герои находятся в одном хронотопе, однако это не делает их диалог возможным:

И ты играла в темной зале
С открытой дверью на балкон,
И пела грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклон,
Что был над парком, — бледный, ровный,
Ночной, июньский, — там, где след
Души счастливой и любовной,
Души моих далеких лет.

На протяжении лирического монолога меняются представления о ролях «я» и «ты». Сначала «ты» кажется адресатом, которому направлено стихотворное

послание, но затем выясняется, что «ты» является и адресантом послания музыкального, направленного «душе моих далеких лет». Другими словами, чувства героев кажутся направленными друг другу. Но, как это бывает у И.А. Бунина, диалог между людьми, когда-то любившими друг друга, не состоялся, так как их чувства не совпадают во времени: «той души», к которой обращена «грусть рояли», уже нет, и послание лирического героя — о «невозвратности», «далёкости» былых чувств.

Такого рода несовпадения приводят к тому, что лирическому герою И.А. Бунина неважно, слышит ли возлюбленная его высказывания. Поэтому лирический герой может обращаться к спящей («Ты спала...» («Нынче ночью кто-то долго пел», 1899)) и к умершей женщине («Откуда же являешься ты мне? / Зачем же воскресает ты во сне, / Несрочной прелестью сияя...» («Печаль ресниц, сияющих и черных...», 1899); «И ко мне долетает / Свет улыбки твоей <...> / Разве ты одинока? Разве ты не со мной? / В нашем прошлом, далёком, / Где и я был иной?» («Там, в полях, на погосте...», 1908); «Но образ твой теперь уже в тумане» («Спокойный взор, подобный взору лани...», 1901)). В этих стихотворениях всё точно так же, как в других, обращённых к возлюбленной: есть «ты», обращения к ней, риторические вопросы, восклицания. Это ещё раз подтверждает верность наших предположений о замкнутости любовной лирики И.А. Бунина, в которой, как правило, коммуникативный акт как межличностное общение отсутствует, так как для лирического героя важно не общение с любимой, а понимание своих чувств по отношению к ней.

В рамках статьи нам не удалось рассмотреть все возможные «ты» в лирике И.А. Бунина. Дальнейшая задача исследования — изучить другие «ты»: «ты» обобщённое, включающее или не включающее говорящего, «ты» — другой и прежде всего наиболее частотное в лирике И.А. Бунина «ты» — не-лицо.

Подведём итоги. Мы рассмотрели две функциональные разновидности «ты» — 1) в автокоммуникативных стихотворениях, где адресант и адресат совпадают по существу, и 2) в любовной лирике, где «ты» — любимая, возлюбленная. В связи с этим нуждается в уточнении референциальное значение «ты» в большинстве стихотворений любовной лирики. Это не реальное «ты», находящееся за пределами стихотворного текста, это «ты» в сознании лирического героя, риторическое «ты» (по аналогии с риторическими вопросами и риторическими обращениями). И нет не только общения между «я» и «ты», нет и надежды на то, что «ты» услышит сообщение, так как нет даже иллюзии живой коммуникации.

Другими словами, хотя внешне любовная лирика И.А. Бунина и находится в русле классических стихотворных жанров, её сущность иная: идеальным читателем своих любовных посланий является сам отправитель, так как их назначение — не донести свои мысли и чувства до кого-либо, а самому разобратся в них.

Библиографический список

Источники

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Моск. рабочий, 1993. 540 с.

Литература

2. Геймбух Е.Ю. Концепция адресата в лирической прозаической миниатюре // Nutg lingvistikasi (Проблемы лингвистики): сб. ст. Самарканд: СамГУ, 2006. С. 72–73.
3. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л.И. Баранниковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2009. 127 с.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С. 159–166.
5. Русская грамматика: науч. тр.: в 2 т. Т. 1. М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 784 с.

References

Istochniki

1. Bunin I.A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 1. M.: Mosk. rabochij, 1993. 540 s.

Literatura

2. Gejmbux E.Y. Konceptiya adresata v liricheskoy prozaicheskoy miniatyure // Nutg lingvistikasi (Problemy' lingvistiki): sb. st. Samarkand: SamGU, 2006. S. 72–73.
3. Gol'din V.E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy' / pod red. L.I. Barannikovej. 2-e izd. , ispr. i dop. M.: URSS, 2009. 127 s.
4. Lotman Yu.M. Avtokommunikaciya: «Ya» i «Drugoj» kak adresaty' // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo–SPB, 2000. S. 159–166.
5. Russkaya grammatika: nauch. tr.: v 2 t. T. 1. M.: In-t rus. yazy'ka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. 784 s.

O.M. Gordeeva

The Personal Pronoun «You» and the Functional-semantic Field of the Address in I.A. Bunin's Lyrics

The article studies the role of second-person singular pronouns in the functional-semantic field of address in I.A. Bunin's lyrics. The personal pronoun «you» is regarded as a structural element in expressing the contradictory unity of the perceiving consciousness in the lyrics.

Keywords: I.A. Bunin's lyrics; functional-semantic field of address; personal pronoun.